

Часть II , Глава 4 из книги « *Вечный Человек* » под редакцией Н. Л. Трауберг

Христос основал Церковь двумя великими образами — камня и ключей. Первый из них ясен — мне, во всяком случае. Однако слова эти — еще один пример того, что раскрылось и разъяснилось только позже, много позже. Кроме того, это еще один пример загадочной сложности Евангелия — Христос сравнил с камнем человека, несравненно более похожего на трость, ветром колеблемую.

Но мало кто замечал, как поразительно точен образ. Ключи играют немалую роль в искусстве и геральдике христианства; но далеко не все понимают, как полна и точна аллегория. В этой главе я хочу рассказать о том, какой была и что делала Церковь вначале, и ничто не может помочь мне больше, чем древняя метафора. Ранние христиане похожи на людей с ключом — или, если хотите, на тех, кто говорит, что у них есть ключ.

Они не били тараном стену, как наши современники, и не неслись очертя голову, прихватывая по пути все, что попадет. Более того, как мы сейчас увидим, они наотрез отказались от подобных действий. Они утверждали, что есть ключ и что этот ключ — у них, а другого такого нет. В этом смысле, конечно, их можно назвать узкими. Но случилось так, что именно этот ключ открыл темницу мира, и белый, дневной свет свободы ворвался в нее.

Вера подобна ключу в трех отношениях.

Во-первых, у ключа определенная форма, без формы он уже не ключ. Если она неверна, дверь не откроется. Христианство, прежде всего, философия четких очертаний, оно враждебно всякой расплывчатости. Это и отличает его от бесформенной бесконечности, манихейской или буддийской, образующей темную заводь в темных глубинах Азии.

Это же отличает его и от бесформенности чистой эволюции, в чьем потоке все твари непрерывно теряют очертания. Если вам скажут, что ваш ключ расплавился и слился с тысячами других ключей, вас это огорчит. Не обрадуется и тот, чей ключ меняется понемногу, развиваясь и усложняясь.

Во-вторых, форма ключа очень причудлива. Дикарь, не видевший ключей, никогда не угадает, что это. Причудлива она потому, что, в определенном смысле, она произвольна. О ключе спорить нечего, он или входит в скважину, или нет. Вряд ли стоит подгонять ключ под правила геометрии или каноны эстетики. Бессмысленно требовать и ключ попроще, тогда уж лучше взломать дверь.

И в-третьих, форма ключа не только точна, но и сложна. Многие жалуются, что религию так рано засорили теологические сложности, забывая, что мир зашел не в тупик, а в целый лабиринт тупиков. Сама проблема была сложна, куда сложнее, чем «борьба с грехами». Накопилось множество тайн, неосознанных болезней души, опасностей, извращений. Если бы наша вера принесла толпе плоские истины о мире и о прощении, к каким пытаются свести ее многие моралисты, она бы нимало не воздействовала на сложный и пышный приют для умалишенных.

Что сделала она в действительности, я попытаюсь объяснить, пока же повторю: во многом ключ был сложен, в одном — прост. Он открывал дверь.

Существует несколько ходячих мнений, которые для краткости я назову ложью. Все мы слышали, что христианство возникло в варварский век. С таким же успехом можно сказать, что в варварский век возникла «Христианская наука». Читайте, на худой конец, что христианство знаменовало общественный упадок, как я считаю, что «Христианская наука» знаменует упадок умственный.

Считайте христианство суеверием, погубившим цивилизацию, — считаю же я «Христианскую науку» суеверием, способным (если к нему отнести серьезно) погубить сколько хочешь цивилизаций. Но сказать, что христианин IV или V века был варваром и жил в эпоху варварства, все равно что отнести Мэри Бэкер-Эдди к племени краснокожих индейцев. Нам может нравиться или не нравиться американская культура XIX века, но ни один здравомыслящий человек не станет, при всем желании, отрицать, что и Римская Империя, и индустриальная Америка — цивилизованны.

Хорошо это или плохо, христианство было порождением цивилизованного, я бы даже сказал — слишком цивилизованного мира. Это не упрек и не похвала. Во всяком случае, в моих устах сравнение с христианской наукой никак не сочтешь похвалой. Просто надо хоть немного чувствовать атмосферу общества, прежде чем хвалить его или порицать. О главном в языческой цивилизации я неоднократно вспоминал на этих страницах — Средиземное море, словно озеро, поглощало и соединяло разные культы и культуры. Города, глядевшие друг на друга с его берегов, становились все более похожими.

